

УДК 398.22

doi: 10.18101/1994-0866-2016-2-216-222

Мотив пиршества и культа вина в бурятской Гэсэриаде
(на примере интерпретации образа Хормусты)© *Дугаров Баир Сономович*

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: khairkhan@mail.ru

Образ Хормусты — бог неба в мифологии монгольских народов, нашел многогранное отражение в бурятском эпосе «Гэсэр». Любопытным штрихом к «портрету» Хормусты является описание его склонности к пиршествам. В этом просматривается отражение определенных исторических реалий, связанных с культом вина и застолья у кочевников. Следует иметь в виду, что мифологема вина, или опьяняющего напитка, имеет параллели в разных мифологиях. При сравнении напрашивается вывод, что верховные боги, независимо от этнической традиции, склонны к пиршествам и застольям, и вино оказывает влияние на модель их поведения. Явление «слишком веселого» бога в бурятском эпосе отражает своеобразие этого фольклорного феномена в контексте этнокультурной традиции монгольских народов.

Ключевые слова: мифология, эпос, традиция, пиршество, культ вина, небожители, монгольские народы.

В фольклорно-мифологической традиции бурят верховным тэнгри-небожителем считается Хормуста, известный у монгольских народов как бог неба в постчингисовую эпоху. Его образ нашел своеобразное отражение в бурятской версии эпоса «Гэсэр», в которой он трактуется в различных аспектах — от семейных отношений до статусно-иерархических в системе небесного мироустройства. В целом эпические тексты, особенно небесный пролог, дают в совокупности выразительную характеристику Хормусты как неординарного улигерного (эпического) персонажа.

Любопытным штрихом к «портрету» Хормусты является акцентирование его склонности к веселому, порой затяжному застолью. Эпизоды, иллюстрирующие эту черту в поведении главы небожителей, встречаются практически во всех вариантах Гэсэриады. Так, в хангаловском варианте Хормуста, отправившись к прародительнице богов Манзан Гурмэ за советом, кого из сыновей отправить на землю, по пути заезжает к Писон Саган тэнгри — божеству солнца, и напивается у него допьяна, заночевав у гостеприимного хозяина [14, с. 248]. В варианте П. Тушемилова Хормуста показан пирующим в гостях у предводителя восточных небожителей Атай Улана — от новолуния до полнолуния, пока не пришло время возвращаться домой. Порой он настолько увлекается пирами и попадает под чары вина, что забывает о неотложных делах.

Определенную роль вино играет и в развитии эпического сюжета, связанного с сыном Хормусты — Гэсэром, героем одноименного эпоса. Например, в сцене встречи Алма Мэргэн — жены Гэсэра, с его небесным старшим братом Заса Мэргэном последний угощает героиню арза-хорзо (молочной водкой разной крепости), приготовленной специально для нее прародительницей Манзан Гурмэ. Цель же заключается в том, чтобы «водоудушевить» Алма Мэргэн на спасение Гэсэра, превращенного в осла, поскольку никто, кроме нее, не в состоянии это совершить. Сам этикет угощения вином выдержан в духе формульного описания данной церемонии, в котором обозначен существенный момент, характеризующий содержательную сторону встречи этих двух персонажей. В тексте повествуется: «Старший брат мужа, Заса Мэргэн, / стал складно рассказывать обо всем, что случилось с давней поры, / да так, что на плоском камне трава выростала, / да так, что на чистой воде пенка образовалась» [1, с. 225–226].

Стало быть, вино выступает как действенное средство коммуникации между эпическими персонажами, благодаря чему создается особая атмосфера духовного общения, освященного традицией. И сам Гэсэр не раз демонстрирует свою богатырскую мощь в употреблении молочного архи — горячительного напитка предков. Он же неизменно выказывает приверженность обычаям старины, собирая своих подданных на великий пир в ознаменование победы над противником. Причем описание празднества с гиперболизацией вина относится к числу общих мест в эпическом тексте.

Подобного рода примеры говорят о том, что как эпические герои, так и их небесные покровители во главе с Хормустой любят предаваться пирам и веселью. Последние, как отмечает М. Н. Хангалов [14, с. 237], делают это порой без определенной на то мотивации. Так, Хормуста нередко созывает небожителей к себе не по какому-либо особому поводу, а «для препровождения времени, поскольку в году слишком много свободных дней». Высокие гости собираются в белом, «высотой до небес, сверкающем, как стекло», ханском дворце, соответствующем статусу Хормусты как верховного небожителя, где сам хозяин восседает на восьминожном серебряном троне в главной из восьмидесяти восьми комнат, позолоченных изнутри. Перед дворцом, символизируя гостеприимство Хормусты, стоит ажурная серебряная коновязь (*баржагар мунгэн сэргэ*) с девьюноста девятью ответвлениями.

Примечательно, что существует поверие, связанное с затяжными пирами и гуляниями у богов. После обильного возлияния и утоления чревоугодия они предаются продолжительному сну, иной раз исчисляемому несколькими поколениями человеческой жизни. Бывает, что душа тэнгрия, не дождавшись его пробуждения, спускается на землю и рождается человеком, а потом снова возвращается на небо при пробуждении небожителя [14, с. 224].

Наиболее полная картина пиршества эпических богов предстает в пространном описании небесного праздника-надома (*тэнгэриин найр зугаа*) в молькинском варианте эпоса «Гэсэр» [2, с. 40–50]. В этом празднестве принимают участие западные и восточные небожители во главе с прародительницами Манзан Гурмэ и Маяс Хара. Красочно обрисованы перипетии трех мужских игрищ-состязаний (*эрын гурбан наадан*), куда входят борьба,

стрельба из лука и конные скачки. Праздник завершается грандиозным пиром, который объединяет всех небожителей.

Празднество небожителей напоминает летнее обрядовое священнодействие — тайлаган, который, по всей видимости, не случайно, в силу древности этой традиции, оказался в поле сакрализации небесного социума. Сказители-мифотворцы по праву перенесли тайлаган в небесный пролог Гэсэриады, тем самым придав ему статус божественного праздника. Вместе с тем в пиршествах небожителей просматривается отражение определенных исторических реалий, связанных с культом вина и застолья у монгольских народов. Традиция пиров у степных кочевников сопровождалась особым этикетом, основанным на древних обычаях, которые неукоснительно соблюдались. Об этом свидетельствует пиршественный церемониал во времена Чингисхана и его наследников, согласно которому место на пиру, очередность получения пиршественной чаши и произнесения здравицы, право на угощение *чарой-оток* строго регламентировались исходя из общественного положения участников застолья [4, с. 58–59].

Не случайно старинные источники указывают, что монголы «находят радость в питье и пиршестве» [7, с. 75]. Мудрое отношение монголов к вину как важному элементу в ощущении полноты человеческого бытия демонстрирует «Беседа мальчика-сироты с девятью орлуками — сподвижниками Чингисхана» — произведение, основанное на фольклорных источниках и содержащее подлинные образцы народной поэзии. Любопытно, что автором здесь приводятся разные, порой взаимоисключающие мнения о целесообразности питья вина, высказываемые девятью орлуками. Наиболее разумную точку зрения в отношении вина выражает мальчик-сирота — центральный персонаж повествования. Он полагает, что проблема не в вине, а в его злоупотреблении. Если пить в умеренных пределах и по хорошему поводу, то тогда это «наслаждение и удовольствие». Чингисхан, приверженец «золотой середины», поддерживает мальчика в его споре с орлуками, дает ему в знак поощрения «выпить глоток вина *рашияны*, подобной меду», и приближает его к себе [6, с. 166–173].

Более того, в фольклорной традиции изобретение вина приписывается Чингисхану. Согласно преданию, расцветшему народной фантазией, придуманное им вино состоит из девяти эрдэни-драгоценностей. В зависимости от того, какое эрдэни сильнее действует на человека, опьяневший делается злым и агрессивным как бешеная собака или глупым как баран или же становится легкомысленным и падким до женщин, а может даже сгореть от вина и умереть. Слепые становятся зрячими, безрукий готов ударить соседа, безногий растоптать неугодного — таковы метаморфозы, вызываемые чарами вина [15, с. 91–92]. Тем не менее, как гласит легенда, изобретенное Чингисханом вино, или молочное архи, пришлось по душе его подданным — кочевникам, и они стали его так усердно гнать и пить, что монгольский хан вынужден был издать указ, запрещающий изготовление и употребление архи. Но узнав, что степняки, несмотря на августейший запрет, продолжают по-прежнему «почитать» этот горячительный напиток и при этом

совершают возлияние духам-хранителям Чингисхана как своим небесным благодетелям, владыка монголов отменил свой указ [10, с. 20–21].

Примечательно, что между Чингисханом и Хормустой как фольклорно-мифологическими персонажами просматривается некоторая взаимосвязь на почве вина, отмеченная в летописной традиции. В «Алтан тобчи» говорится, что «могущественный Хормуста тэнгри» пожаловал Чингисхану «за прежние добродетельные деяния драгоценную нефритовую чашу, наполненную вином *рашияны*». Эта чаша с вином воспринимается монгольским владыкой как божественный дар, преподнесенный ему в знак его избранничества. Сам он с удовольствием вкушает вина *рашияны* и, разгоряченный от хмельного напитка, рассуждает о смысле пиров, их пользе и назначении [6, с. 165–166, 173]. В тексте «Алтан тобчи» приводится ряд примеров, показывающих благосклонное отношение Чингисхана к пиршествам и его участие в них, что также обнаруживает определенное сходство с образом Хормусты в бурятской Гэсэриаде.

Следует иметь в виду, что мифологема вина, или опьяняющего напитка, имеет широкие параллели в разных мифологиях. Вино является не только эффективным средством веселья или праздника, но и «основным героем» последнего, как показывают описания обильных возлияний олимпийских и других представителей «племени бессмертных». Как отмечают исследователи, существует особая связь между горячительным напитком и богами-громовержцами. В этом отношении близкий пример являет Индра, совершающий героические, порой опрометчивые действия в состоянии опьянения сомой [12, с. 257; 11, с. 22]. Ср. бурятский бог дождя Хуран-нойон — мифологический двойник Хормусты, иной раз под сильным воздействием вина забывает о своих обязанностях, отчего на земле наступает засуха [9, с. 34]. Ведийские тексты демонстрируют пристрастие к хмельной соме не только Индры, но и других богов. Как говорится в одном из гимнов, они, когда устраивается возлияние сомы, спешат принять в нем участие, и «все хмелеют» [13, с. 71]. Мотив вина встречается и в буддийской мифологии — в описании траястринсы, где упоминается лиана асавати, приносящая раз в тысячу лет плоды. Они содержат божественный хмельной напиток, опьянение от которого продолжается четыре месяца [3, с. 524].

При сравнении Хормусты с греческими и индийскими божествами напрашивается вывод, что верховные боги, независимо от этнической традиции, склонны к пиршествам и застольям и вино оказывает влияние на модель их поведения. Зачастую боги, всей своей властью гарантирующие моральное поведение смертных, живут в атмосфере постоянных нарушений нравственного порядка. Возможно, в этом проявляется принцип необузданной свободы богов и людей, характерный для ряда мифологий, в частности греческой. С другой стороны, здесь содержатся элементы бурлеска, присутствующего как универсальное явление многим мифологическим традициям.

В связи с этим можно допустить, что модель поведения Хормусты в небесном прологе Гэсэриады в ряде случаев скорее похожа на пародию его образа, спровоцированную поздней адаптацией данного теологического

персонажа в бурятской религиозно-мифологической традиции. Это наглядно обнаруживается в эхирит-булагатской версии бурятской Гэсэриады, где образ Хормусты из-за его склонности «к выпивке» оказывается явно приниженным. Согласно сюжету он как бы самоустраивается от условленного с главой восточных тэнгриев поединка, загуляв у прародительницы Манзан Гурмэ, к которой отправился посоветоваться. Дает о себе знать Хормуста лишь только на совете богов, где он появляется с большого похмелья в тот момент, когда решался вопрос об отправлении его сына Гэсэра для уничтожения земных порождений Атай Улана, которого тот в отсутствие отца низверг на землю. Та же самая «неодобрительная» нотка по отношению к Хормусте и его «забывчивости», вызванной той же причиной, что и в приведенном примере, прослеживается в унгинской версии (вариант П. Дмитриева), где он, загостив у девяти шаманствующих тэнгриев — родственников по материнской линии, пропускает назначенный срок поединка с Атай Уланом.

Действительно, изображение Хормусты из-за его приверженности к пирам и застолью не лишено некоторой «критической» направленности, как подчеркивает Н. О. Шаракшинова [16, с. 23]. Но, на наш взгляд, подобная трактовка поведения Хормусты имеет скорее всего иронический характер. Ирония, как известно, вносила в возвышенные нарративы трагикомическую ноту, придавая богам человеческие страсти и слабости, что не могло не привлекать людей. Именно такого рода сюжеты являются между тем «сильной стороной мифологии как бессознательно художественного творчества народов» [5, с. 141–142]. Гетерогенность свойств и признаков рассматриваемого персонажа проявляется как «продуктивное начало» [8, с. 109] в формировании представления о нем в сюжетной динамике.

Говоря же о «морали мифов», следует иметь в виду определенное противоречие в трактовке этого понятия на примере многих мифологических существ высшего ранга. Образ Хормусты в творческой интерпретации бурятских сказителей подтверждает правомерность данного положения. Явление «слишком веселого» бога в бурятской мифологии, имеющего евразийские параллели, не поддается однозначной оценке и выявляет своеобразие этого улигерного феномена в контексте этнокультурной традиции монгольских народов.

Литература

1. Абай Гэсэр / вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова. — Улан-Удэ, 1960. — 314 с.
2. Абай Гэсэр Богдо хаан / зап. и сост. С. П. Балдаева, подгот. текста и предисл. М. И. Тулохонова, Д. Д. Гомбоин. — Улан-Удэ, 1995. — 521 с.
3. Волкова О. Ф. Траястринса // Мифы народов мира. — М., 1992. — Т. 2. — С. 524.
4. Крамаровский М. Г. Джучидский пир // Государственный Эрмитаж. Отделу Востока 80 лет. — СПб., 2000. — С. 56–60.
5. Лифшиц М. А. Критические заметки к современной теории мифа // Вопросы философии. — 1973. — № 10. — С. 139–159.
6. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи / пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. — М., 1973. — 439 с.
7. Мэн-да бэй-лу / пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева. — М., 1975. — 286 с.

8. Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. — М., 1984. — 310 с.
9. Подгорбунский И. А. Из мифологии бурят и монголов шаманистов // Сибирский вестник, приложение к «Восточному обозрению». — Иркутск: тип. К. И. Витковской, 1894. — № 4. — С. 28–40.
10. Степные были и небылицы / сост., пер. Х. Мэргэн. — Улан-Удэ, 2010. — 334 с.
11. Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы Древней Индии. — М., 1982. — 270 с.
12. Топоров В. Н. Опьяняющий напиток // Мифы народов мира. — М., 1992. — Т. 2. — С. 256–257.
13. Эрман В. Г. Очерк истории ведийской литературы. — М., 1980. — 232 с.
14. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. — Улан-Удэ, 1959. — Т. 2. — 444 с.
15. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. — Улан-Удэ, 1960. — Т. 3. — 421 с.
16. Шаракшинова Н. О. Фантастические образы врагов в героическом эпосе бурят // Фольклор народов РСФСР. — Уфа, 1977. — С. 19–24.

The Motif of Feasting and the Cult of Wine in the Buryat “Geseriad” (based on the interpretation of Hormusta’s character)

Bair S. Dugarov

DSc in Philology, A/Professor, Leading Researcher, Department of Literature and Folklore Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS

6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude 670047, Russia

Hormusta is a god of the sky in mythology of the Mongol peoples; his character was many-sidedly reflected in the Buryat epic “Geser”. One of the characteristic traits of Hormusta is his weakness for feasting. It must be noted that the feasts of skydwellers are close to certain historical realities of the drinking and feasting cult among the nomads. The mythlogeme of wine or heady drink has parallels in various mythologies. The supreme gods, regardless of their ethnic tradition, are prone to feast; and wine affects the model of their behavior. The phenomenon of the “too cheerful” god in the Buryat epic reflects the specificity of this folklore phenomenon in the context of the Mongol peoples’ ethnocultural traditions.

Keywords: mythology, epic, tradition, feasting, cult of drinking, skydwellers, Mongol peoples.

References

1. *Abai Geser* [Abai Geser]. Ulan-Ude, 1960. 314 p. (transl. from Buryat)
2. *Abai Geser Bogdo khaan* [Abai Geser Bogdo Khan]. Ulan-Ude, 1995. 521 p. (transl. from Buryat)
3. Volkova O. F. Trayastrinsa [The Trayastrimsa]. *Mify narodov mira — World Peoples' Myths*. Moscow, 1992. P. 524. V. 2.
4. Kramarovskii M. G. Dzhuchidskii pir [Feast of the Juchids]. *Gosudarstvennyi Ermitazh. Otdelu Vostoka 80 let — The State Hermitage. 80th Anniversary of Oriental Branch*. St. Petersburg, 2000. P. 56–60.
5. Lifshits M. A. Kriticheskie zametki k sovremennoi teorii mifa [Criticisms of the Modern Theory of Myth]. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*. 1973. No. 10. Pp. 139–159.
6. Lubsan Danzan. *Altan Tobchi* [Altan Tobchi]. Moscow, 1973. 439 p.
7. *Men-da bei-lu* [Complete Description of the Mongol-Tartars'. Men-ta bei-lu]. Moscow, 1975. 286 p. (transl. from Chinese)
8. Neklyudov S. Yu. *Geroicheskii epос mongol'skikh narodov* [The Mongolian Heroic Epic]. Moscow, 1984. 310 p.

9. Podgorbunskii I. A. Iz mifologii buryat i mongolov shamanistov [From the Mythology of Buryat and Mongol Shamans]. *Sibirskii vestnik, prilozhenie k «Vostochnomu obozreniyu» — Siberian Bulletin, Application for "Oriental Review"*. Irkutsk: K. I. Vitkovskaya's Printing House, 1894. No. 4. Pp. 28–40.
10. *Stepnye byli i nebylitsy* [Steppe True and Tall Stories]. Ulan-Ude, 2010. 334 p.
11. Temkin E. N., Erman V. G. *Mify Drevnei Indii* [Myths of Ancient India]. Moscow, 1982. 270 p.
12. Toporov V. N. Op'yanyayushchii napitok [Heady Drink]. *Mify narodov mira — World Peoples' Myths*. Moscow, 1992. V. 2. Pp. 256–257.
13. Erman V. G. *Ocherk istorii vediiskoi literatury* [Essay on the History of Vedic Literature]. Moscow, 1980. 232 p.
14. Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Ulan-Ude, 1959. V. 2. 444 p.
15. Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Ulan-Ude, 1960. V. 3. 421 p.
16. Sharakhshinova N. O. Fantasticheskie obrazy vragov v geroicheskom epose buryat [Fantastic Images of Enemies in the Buryat Heroic Epos]. *Fol'klor narodov RSFSR — Folklore of the RSFSR Peoples*. Ufa, 1977. Pp. 19–24.